

Научная статья

УДК 808.5

doi: 10.17223/22274200/30/3

Устойчивые сочетания слов в тульских говорах: основы фразеографической систематизации

Дмитрий Анатольевич Романов¹

¹ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия, kafrus@rambler.ru

Аннотация. Предпринята попытка систематизировать устойчивые сочетания слов, подготовленные к фразеографической фиксации в заключительном томе «Словаря тульских говоров». Региональные фразеологизмы представлены с точки зрения семантической слитности, структуры, функционального социального назначения. В обозначенных аспектах поданы наиболее обширные по составу и частотные по употреблению диалектные фразеогруппы. Трактовки осуществлены с опорой на ключевые установки современной лингвокультурологии.

Ключевые слова: тульские говоры, словарь, фразеологизм, идиома, паремия, устойчивое сравнение, прибаутка, непрямая номинация

Для цитирования: Романов Д.А. Устойчивые сочетания слов в тульских говорах: основы фразеографической систематизации // Вопросы лексикографии. 2023. № 30. С. 45–63. doi: 10.17223/22274200/30/3

Original article

doi: 10.17223/22274200/30/3

Set phrases in Tula dialects: The basics of phraseographic systematization

Dmitry A. Romanov¹

¹ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
Tula, Russian Federation, kafrus@rambler.ru

Abstract. In the process of compiling the *Dictionary of Tula Dialects* (2007–2022), more than six hundred set phrases were identified, and a problem

arose of their typology and linguistic interpretation. This article aims to solve the problem. Most of the phrases are recorded as part of s of dialect speakers' speech flows, and also selected from the contexts of ethnographic works and fiction that reflect the realities of the Tula region. Thus, the linguistic material analyzed in this article was collected by the field method and by the method of directed contextual extraction. Not all of the language units indicated above are actually phraseological units or paroemias; a significant part of them are typical, standard phrases that are diverse in terms of the degree of fusion and frequency of holistic reproduction. At present, the characterized set phrases are prepared for phraseographic fixation: their definitions are proposed, the illustrative material is arranged, and the areas of distribution within the dialect are specified. This study proposes a systematization of Tula regional set phrases in terms of their phraseological status. The theoretical basis of the study is the approaches adopted in Russian science to stable linguistic units of the levels of phrases and sentences. From the empirically formed general phraseographic code of Tula dialects, 1) units in the form of a phrase are distinguished and characterized: dialect phraseological units (idioms and phraseological combinations), compound names, stable prepositional case constructions, fixed similes; 2) units in the form of a sentence: set phrases of a non-paroemic nature, paroemias (proverbs and sayings), humorous sayings. The specificity of the regional phraseographic material determines the separation into functional groups of phraseologized combinations of a ritual and handicraft nature, few in number, but extremely significant for those wishing well. The article raises the problem of territorial variation of set phrases and proposes a variant of its particular solution in relation to the phraseological section of the *Dictionary of Tula Dialects*. The analyzed language material is typologically based on the traditional structural-semantic approach to phrases that are potentially set. The typological groups are interpreted taking into account the principle of indirect nomination and the provisions of modern linguoculturology, which considers that a systemic phraseographic description of a dialect is a kind of a linear modeling of the historically established inner world of a person living in a particular region of Russia.

Keywords: Tula dialects, dictionary, phraseological unit, idiom, proverb, fixed simile, humorous saying, indirect nomination

For citation: Romanov, D.A. (2023) Set phrases in Tula dialects: The basics of phraseographic systematization. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 30. pp. 45–63. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/30/3

Введение

Современная русская фразеография оформилась не только в основных принципах своего внутреннего устройства и отбора материала, но и в номенклатурно-количественном плане. Почти все аспекты,

связанные с функционированием фразеологических единиц различных типов, нашли свое отражение в фундаментальных словарях. По-лем, содержащим лакуны, остается диалектная фразеография, поскольку только завершается этап словарного оформления лексических систем русских говоров. Обширные перспективы диалектной фразеографии наметили В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина [1].

Несмотря на то, что в ходе полевого сбора региональной лексики, как правило, фиксируются и устойчивые сочетания слов (не только как контекстные иллюстрации региональной лексики, но и как целостные единицы), что находит отражение в том числе и в СРНГ [2], самостоятельных региональных фразеографических изданий в научной практике пока немного: [3–6] и некоторые другие. Следует отметить также серию так называемых «Больших словарей» фольклора [7, 8], в которых начато обобщение диалектных материалов.

Завершающий этап подготовки «Словаря тульских говоров» (2007–2022) закономерно включает в себя систематизацию областной фразеологии, которая должна составить заключительный том. В настоящее время картотека превышает 600 единиц, обзору которых посвящено данное исследование.

Исследуемый материал и подходы к нему

Принятый в отечественной лингвистике дифференциальный подход к формированию словников региональных лексикографических сводов традиционно отсекал достаточно большое количество материала, являвшегося общероссийским и употреблявшегося в говорах без каких-либо отличий от его использования языком в целом. То же самое закономерно происходило с устойчивыми сочетаниями слов. И даже при таком – «узком» – методологическом подходе в говорах отмечаются вполне оригинальные фразеологизированные сочетания слов.

XXI век – век развития лингвистической когнитологии, лингвокультурологии, этнолингвистики – породил «широкий поход» к материалу, позволяющий утверждать, что сам региональный контекст придает определенное своеобразие устойчивым сочетаниям слов.

В условиях активного формирования электронных языковых баз данных, открывающих возможность сравнивать не только дефиниции, но и многие пласты контекстов, лексикографическая дифференциация

выходит на более высокий уровень, а следовательно, общероссийский и диалектный фразеологические своды приближаются друг к другу по своему объему: почти любая общезыковая единица имеет в говоре какое-либо отличие, а значит – достойна отдельной фиксации как явление диалектной речи.

Большая часть тульского регионального фразеологического свода собиралась в 60–70-е гг. XX в. параллельно с фиксацией диалектной лексики. Как правило, устойчивые языковые образования размещались в лексической картотеке и специально не систематизировались. В 2007 г., когда началась целенаправленная работа по составлению «Словаря тульских говоров» [9], потребность в отграничении фразеологического материала и его подготовке к словарному представлению стала необходимостью.

С целью охвата как можно большей части такого стремительно исчезающего в XXI в. явления, как диалектная фразеология, рациональным представляется нежесткий подход к ее границам. Именно поэтому предметом обобщения становятся не только собственно фразеологические единицы, но и в целом устойчивые сочетания слов.

Понятие *устойчивое сочетание слов* трактуется составителями «Словаря тульских говоров» в максимально широком смысле и включает единицы, воспроизводимые в речи носителей диалекта как целостные, «готовые», имевшиеся в языковом опыте предков и используемые окружающим социумом. В общefразеологическом плане – это единицы и уровня словосочетания, и уровня фразы. Таким образом, в корпус устойчивых сочетаний слов тульских говоров входят собственно фразеологизмы (сращения, единства, сочетания), воспроизводимые предложно-падежные конструкции, устойчивые неидиоматические названия реалий, типичные сравнения, паремические выражения (поговорки и пословицы), рифмованные и нерифмованные присловия (прибаутки), благо- и злопожелания, ритуальные формулы и т.п.

Цель настоящей статьи – представить и охарактеризовать наиболее многочисленные группы фразеологических единиц тульских говоров (по степени семантической слитности, структуре и функциональной социальной отнесенности), а также предложить решения отдельных проблем их словарного описания. Научная новизна состоит не только во введении в исследовательский оборот ранее неизвестных региональных устойчивых сочетаний, но и в обосновании их специфического фразеографического представления, на необходимость которого

указывают авторитетные специалисты [1. С. 7–8].

Результаты

В говорах тульского края представлены различные типы фразеологизированных сочетаний.

Устойчивые словосочетания

Большая часть устойчивых словосочетаний, как и в общероссийском фонде, – это идиомы, широко распространенные среди диалектоносителей.

Идиомы

Идиомы представляют собой центр фразеологической системы и языка, и его отдельного говора, поскольку именно они в силу формальной простоты способны к количественно большему обобщению действительности. Они же, таким образом, несут и максимальную информативную, коммуникативную, аксиологическую нагрузку. То, что называется «фразеологией в узком смысле», образует ядерную зону поля устойчивых образований и в тульских говорах.

Разумеется, многие из региональных идиом строятся по типу аналогичных общероссийских единиц, а иногда и с сознательной ориентацией на них. Вместе с тем региональные идиомы ярко представляют оригинальность областного языка. Приведем характерные примеры с фразеографическим описанием и зафиксированными предложениями или этнографическими контекстами тульской локализации. Сверка со словариком самого обширного общезыкового фразеологического словаря [10] показывает сугубо региональный характер приводимых ниже идиом. Названия районов Тульской области даются в сокращениях, принятых в российской лингвогеографии:

БУЗДАНО'В НАДУ'ТЬ. Побить, избить кого-либо. Вен.

ЗАПЕ'ТЬ ЖЕМЖУРУ'. Начать сетовать, жаловаться, обижаться на судьбу. Вен.

ИЗ НОГИ' ЛОМИ'ТЬ. Настоятельно, капризно, длительно требовать или просить чего-либо; упорно добиваться чего-то вопреки здравому смыслу, складывающимся обстоятельствам и т.п. Лен.

МИ'ТЬКА ПРЯ'Л. Об исчезнувшей, пропавшей, украденной вещи. // Об исчезнувшем человеке. Лен.

НИ С ЧЕ'М ПИРО'Г. О никчемном, пустом, бессодержательном человеке. // О непутевом, безответственном человеке. Лен.

ОБ ДОРОТУ НЕ РАСШИБЁШЬ. 1. О чем-либо затвердевшем; о предмете, потерявшем мягкость, гибкость. Лен. 2. Перен. О твердолобом, упрямом и недалеко человеке. Лен. 3. Перен. О крепком, выносливом, здоровом человеке. Лен.

СТОЛ НА БЛЮ'ДЕ. Обильное, сытное угощение; богатый стол. // Праздник с хорошим застольем. Лен., Щёк.

Идиомы представляют значительный интерес прежде всего в силу работающего здесь принципа непрямой номинации. За этим принципом стоит творческое пересоздающее сознание народа, способного не только оригинально воспринимать действительность, но и весьма самобытно обобщать и типологизировать ее явления. Именно поэтому современные лингвокультурологи, активно занимающиеся изучением различного рода устойчивых сочетаний слов, из всех рассматриваемых явлений выделяют именно те, которые образованы по принципу непрямой номинации и носят «иносказательный характер» [11. С. 110].

Фразеологические сочетания

Оформление одного из компонентов сочетания во фразеологически связанное происходит, очевидно, постепенно и обусловлено все тем же механизмом «народного словотворчества», обобщения действительности в формах непрямой номинации. Единичность такого компонента отличает фразеологические сочетания от идиом, где совокупность всех структурных частей обладает фразеологическим значением. Фразеологические сочетания, отмеченные в тульских говорах, иллюстрируют развитие фразеологической семантики у тех компонентов, которые в общенациональном языке либо вообще не имеют соответствующего значения, либо данная непрямая номинация функционирует у них по-другому (задействуются другие семы, аналогичные семы срабатывают в других сочетаниях, развивается несколько параллельных значений и т.п.).

Вот показательные для тульских говоров примеры фразеологических сочетаний:

БЕЛЬЕВЫ'Е ЧУЛКИ'. Чулки из хлопчатобумажной (не шерстяной) пряжи, которые носили в теплое время года. Щёк.

ВНИМА'НЬЯ НЕ'КОМУ БРАТЬ. О положении, когда никто не заботится о людях, не принимает участия в их судьбах, не обращает на них внимания. Волов.

ВОЛОКО'ВОЕ ОКНО'. Маленькое окно в раме в виде отдушины или форточки, открываемое зимой и обыкновенно заткнутое чем-нибудь мягким от холода. Черн.

ДВОРА' НЕ ЗАСЛЕДА'ТЬ. Очень редко (мало) бывать дома. Лен.

Представленные выше типы языковых единиц всеми лингвистами безоговорочно относятся к области фразеологии.

Устойчивые сочетания слов, о которых пойдет речь далее, относятся к так называемой «фразеологии в широком смысле», а соответственно, обладают неполным перечнем фразеологических характеристик.

Устойчивые сравнения

Описание и систематизация свода устойчивых сравнений показывают, что они «представляют собой сложную, разветвленную систему, в которой все единицы связаны между собой закономерными связями и отношениями» [12. С. 213]. Главными из этих системных отношений специалисты считают, с одной стороны, семантическое тождество, или близость (при формальной разнице), с другой – контрастность, противоположность. Е.В. Огольцева достаточно убедительно группирует устойчивые сравнения в так называемые «компаративные гнезда», построенные по принципу объединения сравнений-эквивалентов и сравнений-контрастивов в целостные блоки, которые характеризуются как одна функционально-коммуникативная единица. При этом справедливо отмечается, что «состав компаративного гнезда (как в качественном, так и в количественном отношении) определяется коммуникативной востребованностью того или иного образа, его значимостью в русской лингвокультуре» [12. С. 220].

База сравнения чаще всего входит в состав устойчивой единицы, строящейся по принципу *X как Y*. Своеобразие имеют прилагательные единицы, у которых опора сравнения может варьировать или формально опускаться, но при этом семантически предполагаться (т.е. быть эллиптической).

Указанные особенности иллюстрируются следующими тульскими региональными устойчивыми сравнениями:

ЖЁЛТЫЙ КАК ПУПА'ВКА. О болезненно-желтом цвете лица (по народному названию растения *пулавка* – *Tanacetum vulgare* L. семейства сложноцветных с ярко-желтыми цветками; пижма обыкновенная). Лен.

ЗАЛА'ДИТЬ, КАК СЛЕПО'Й НА ДОРОТУ. Неодобр. Непрестанно повторять что-либо; просить, требовать; выпрашивать. Лен.

<БЫТЬ, ЖИТЬ, ИДТИ> КАК ИЛЮ'ША С ГРУ'ШЕЙ. Неразлучно, всегда вдвоём, парой. Бел.

КАК НА СОЛНЫШКЕ ПЕЧЁННЫЙ (ПЕЧЁН). О поджаристом, подрумяненном, аппетитном блине, пироге и под. Богор., Лен., Щёк.

<ПОПА'СТЬ, УГОДИ'ТЬ> КАК ШУТ В ВЕ'РШУ. Попасть впро-сак; оказаться в неудобном положении. Одоев.

Составные наименования

Составные наименования относятся к той группе устойчивых единиц, которые не отражают непрямой номинации, а бытуют как развернутые эквиваленты лексем с привнесенным в них уточняющим значением. Несмотря на то, что подобные образования не несут печати творческой индивидуальности людей, они тем не менее определенным образом характеризуют территориальную зону тульских говоров, своеобразие коммуникативных ситуаций в ней, поскольку отражают те объекты действительности, которые в данной местности нуждаются и традиционно нуждались в развернутой, уточняющей характеристике, а следовательно, были важны в повседневной жизни и значимы для населения. Данные единицы можно распределить в несколько классов в зависимости от их семантики.

Во-первых, это названия растений и животных:

БОГОРО'ДИЦКАЯ ТРАВА'. Многолетний полукустарник *Thymus serpyllum* из рода тимьянов семейства яснотковых; тимьян ползучий. В народной медицине используется при лечении простуды. Черн., Бел.

ЛЕСНО'Й КУЗНЕ'ЧИК. Небольшая птица *Thylloscopus sibilatrix* семейства славковых, пеночка-желтобровка, пеночка-трещотка. Лен., Щёк.

Во-вторых, сочетания слов, связанные с устройством жилища, ведением хозяйства и т.д.:

БО'ЖЬЯ ПО'ЛКА. Полочка в красном углу дома, на которой стоят иконы. Богор.

В-третьих, составные наименования, характеризующие различные занятия и интересы людей:

ДВЕНА'ДЦАТЬ ПА'ЛОЧЕК. Название детской игры. Разновидность игры в прятки, – когда выбирается водящий, он расставляет 12 палочек, потом их сбивает, и, пока собирает, участники игры должны спрятаться. Т-Огар.

Предложно-падежные конструкции

Устойчивые предложно-падежные конструкции расширяют зону непрямой номинации. Переносное значение в таком случае отличается от любого из значений базового слова. Фразеологическая семантика создается именно в конструкции, а не в семантической структуре субстантивной лексики. Разумеется, прототипические свободные предложно-падежные конструкции «направляют» процесс метафоризации, «провоцируют» семантические наращивания, но чаще всего по

значению далеко отстоят от устойчивого сочетания. Фразеологизация значения предложно-падежной конструкции происходит с разным уровнем проявления образности: «смелость» метафоры может быть разной, но в любом случае очевидно, что устойчивое сочетание такого типа является более высокой по семантической организации языковой единицей, чем элементарное сочетание *предлог + субстантив*.

Как показывает материал тульских говоров, устойчивые предложно-падежные конструкции носят преимущественно бытовой и хозяйственный характер, а потому весьма важны для этнографического описания диалектной культуры.

Семантика устойчивых конструкций выделялась при сравнении со значениями базовой лексемы, проверяемыми по БАС [13]:

БЕЗ СХО'ДУ. Не выезжая никуда, безвыездно. Богор.

ДО ШИБА'ЧКИ. До крайней степени усталости. Одоев.

НА ШВЫРО'К. Неодобр. Быстро, кое-как, без старания. Лен.

С РАЗВА'РОЧКИ (С РАЗВА'РКИ). О только что приготовленном, свежем кушанье – как правило, жидком: супе, щах, похлебке и т.д. Лен.

Особую группу устойчивых предложно-падежных конструкций составляют их синтаксические комбинации, объединенные союзами. Подобные однородные ряды предложно-падежных конструкций и в формальном, и в семантическом отношении сходны с поговорками. Вторичные значения у них, в отличие от элементарных предложно-падежных конструкций, более образны, ярки, «броски», что дает возможность сближать их с паремиями:

В КО'ШКИ И В ДУБО'ШКИ. Противиться чему-либо, не соглашаться на что-либо. Новом.

И В ПИР, И В МИР, И В ДО'БРЫЕ ЛЮ'ДИ. Об одежде, которую часто носят, надевают всюду и во всех ситуациях. // Неодобр. Об одежде, которую человек надевает постоянно, не желая разнообразить костюм. Лен.

Фразеологические единицы уровня предложения и фольклорные единицы

Устойчивые фразы

Группа устойчивых фраз непаремического характера представлена в тульских говорах незначительным количеством единиц, среди которых только одна относится к фольклорной сфере. Прочие являются, в терминологии В.Л. Архангельского, фраземами [14]. Приведем их словарное описание:

ЗА ПОПО'М ЧТО ЛИ ПОСЫЛА'ТЬ? Ирон. Риторический вопрос, задаваемый, когда необходимо начинать работу сразу, не мешкая. Лен.

ЛЕТИ'Т ВОРОБЕ'Й ЧЕ'РЕЗ БА'РСКОЕ ДОЛИ'ЩЕ, НЕСЁТ ДЕ'НЕГ ГОМОНИ'ЩЕ. Фолькл. Присказка. О предсказании материального благополучия, будущего богатства. Бел.

НОГИ В ЛУТО'ШКУ СОШЛИ'СЬ. О похудевшем, плохо выглядящем, потерявшем здоровье человеке. Т-Огар.

По количественному составу и по значимости для поля устойчивых сочетаний паремии занимают в тульских говорах второе место после идиом. Как показывает материал, тульские региональные паремии значительно более ориентированы на общероссийские аналоги, чем идиомы, а соответственно, можно предположить, что значительная их часть носит вторичный по отношению к общезыковым паремиям характер. Но тем не менее региональное паремическое поле достаточно разнообразно.

Пословицы

Ряд тульских пословиц имеет и формальное, и семантическое своеобразие по сравнению с общероссийскими. В речи диалектоносителей из-за особенностей своего языкового статуса они создают особую «концентрацию лингвокультуры». «Суть культурной референции пословиц состоит в том, что совокупность компонентов пословицы соотносится с пространством культуры, с его ценностно значимым содержанием. <...>

Разнообразие пословиц для описания одной и той же ситуации и выражения сходных нравоучений детерминировано гносеологическим поиском формулы, которая по своему логико-семантическому устройству будет охватывать все сферы жизнедеятельности и станет универсальным выражением» [15. С. 59].

Приведем ряд пословиц, которые не имеют общероссийских эквивалентов (или такие эквиваленты отличаются очень низкой частотностью):

БЫЛО БЫ ЯИ'ЧКО ДА КУ'РОЧКА, А СОСТРЯ'ПАЕТ И ДУ'РОЧКА. О первичности материального в хозяйстве, домоводстве. // Главное – иметь материальную основу, то, из чего что-либо делается, а процесс производства, изготовления вторичен. Лен.

ВОЗЬМИ' ПИРОЖО'К НА ПО'ЛКЕ, ТО'ЛЬКО НЕ С МЯ'СОМ, А С ГВОЗДЯ'МИ. Пословица, произносимая в качестве осуждающей реакции на неправильные действия кого-либо, ошибки в чем-либо и т.п. Дуб.

КУПИ'Л БЫ СЕЛО', ДА ДЕ'НЕГ МАЛО'. 1. О невозможности сделать что-либо, достичь чего-либо. Лен. 2. О недостаточном имущественном (денежном) состоянии человека. Лен., Вен., Дуб.

ОТГУЛЯ'ЛИ ДЕ'ВКИ ПА'СХУ, ОТКАТА'ЛИ Я'ЩА. О чем-либо прошедшем, завершившемся. Лен.

ЧУДА'К РЫБА'К: НА ВОДЕ' СИДИ'Т, А ПИТЬ ПРО'СИТ. О человеке, который не замечает явного; о том, кто не видит простого и естественного выхода из трудной ситуации. Лен.

Поговорки

Региональные поговорки характеризуются большим разнообразием, чем пословицы, поскольку их структура отличается предельной свободой, а лексическое наполнение может отражать практически любую реалию, в том числе региональную. Поговорки, как и пословицы, воплощают в плане отбора и обобщения явлений действительности определенный, глубоко национальный тип мышления. Такие единицы обращены в сторону важных идей, истин, умозаключений и всегда отражают наиболее актуальную для диалектоносителей семантическую зону (как в плане самого вторичного значения, так и в плане направления метафоризации).

Можно сказать, что поговорка (как и пословица) всегда стремится к обобщению: она преодолевает, как отмечают фразеологи, «исходную мотивировку», связанную с конкретной ситуацией, и «отображает традиционные смыслы, а не изображает непосредственно существующее» [15. С. 23]. Таким образом, региональное в данном случае проявляется в формальном построении поговорки, в определенном «ракурсе» обобщающей метафоры, в семантических оттенках, но основное значение поговорки почти всегда общенародно, этнически значимо, направлено на некую макроситуацию», хорошо известную всем представителям данного народа.

Приведем показательные примеры поговорок, зафиксированных на территории Тульского края:

БИТЬ – И ПЛА'КАТЬ НЕ ДАВА'ТЬ. О человеке, которого необходимо справедливо, поделом наказать. Лен.

БОЛЬШО'Й, А БЕЗ ГАРМО'ШКИ. О подростке или юноше, проявляющем недостаточно ума, выдержки, сообразительности и т.д., ведущем себя как ребенок. // Об инфантильном, недалеком, несообразительном человеке. Лен.

ГОВОРИ', ДА ОТКУ'СЫВАЙ. Остерегайся, будь осторожен. Щёк.

ГРОЗА' ВЗЯЛА'. Об исчезновении кого- или чего-либо по непонятным причинам. // Неодобр. О внезапном исчезновении. Бел.

ДОСТА'ЛИСЬ ОДНИ' РЫ'БЫИ ЩЕ'ЧКИ. Поговорка о том, что кого-то в чем-то обошли, что кому-то ничего не досталось и т.п. Одоев.

Прибаутки

Прибаутки представляют собой разновидность фразем, которые могут функционировать как в диалоге, так и в монологе. Посылкой прибаутки выступает слово в прямом значении, а добавляемая часть чаще всего метафорически, с обязательной иронической коннотацией переосмысливает посылку [16]. Большинство прибауток имеет эвфоническую и ритмическую структуру, т.е. представляет собой так называемые «рифмованные присловия». Но рифма – необязательная характеристика прибаутки в отличие от генетически свойственного ей ритма с двумя восходящими и одним нисходящим интонационными ходами.

Чаще всего отсылка употребляется в речи одного человека, а метафорическая часть – в речи его собеседника. Но вполне вероятно развертывание всей прибаутки и в монологе, когда один человек иронично воспринимает произнесенное им самим или воспроизводит нечто, произнесенное другим человеком (не обязательно собеседником) ранее.

Прибаутки тульских говоров ранее не фиксировались фразеографически:

БЫВА'ЕТ! – И У ДЕ'ВКИ МУЖ УМИРА'ЕТ, А У ВДОВИ'ЦЫ – ЖИВЁТ. Рифмованное присловие, обозначающее, что на свете все возможно, все может случиться. Лен.

«ЖА'РКО!» – ПРИЕ'ДЕТ МАКА'РКА, НА НО'ВОЙ ТЕЛЕ'ЖКЕ, НА НО'ВОЙ КОБЫ'ЛКЕ. Выражает ироничное отношение к достоверности слов об установившейся погоде или состоянии человека. Лен.

ЗАЧЕ'М? – ЗА СПРО'СОМ. А КТО СПРО'СИТ, – ТОМУ' В НОС. Рифмованное присловие к вопросу, показывающее его неуместность, несвоевременность, абсурдность, нелепость и т.п. Лен.

«ЗНА'ЧИТ!» – ПРИСТЯЖНА'Я СКА'ЧЕТ, КОРЕННА'Я НЕ ВЕЗЁТ. Неодобр. Рифмованное присловие, показывающее негативное отношение к содержанию разговора, каким-либо выводам говорящего и т.п. Лен.

КАКА'Я? – ХУДА'Я И БЕЗГЛА'ЗАЯ. Рифмованное присловие к вопросу. Употребляется в случае невозможности или нежелания отвечать. Лен.

Благопожелания

Благопожелания среди лингвистических единиц фольклорного типа отличаются особым строением. Имея структурным ядром форму повелительного наклонения глагола (или презенсную, а также инфи-

нитивную форму в императивном значении), они в качестве пропущенного элемента предполагают некую пропозиционно значимую единицу (субъектную или объектную) и ориентированы на возможный диалог, сокращаемый в данной ситуации общения с целью убыстрения ее развития, повышения «эмоционального градуса», воздействующей силы, ускорения в достижении ожидаемого перлокутивного эффекта и т.д.

Тульские благопожелания в целом повторяют – и структурно, и содержательно – аналогичные общероссийские единицы и образуют с ними единство в речевой практике диалектоносителей. Приведем два региональных примера благопожеланий:

ДАЙ БОГ СКО'РОСТИ! Одобр. Пожелание быстрее выполнить какую-либо работу. Т-Огар.

УРОДИ'СЬ ЗЕРНО' С ОГЛО'БЛЮ, А КАРТО'ШКА – С КОЛЕСО'. Шутливое благопожелание во время весенних полевых работ. Пожелание хорошего урожая. Одоев.

О функциональном (социальном) статусе региональных устойчивых единиц

Тульские говоры включают достаточно обширные группы устойчивых единиц обрядового и промыслового социального характера.

Обрядовые устойчивые сочетания

Большую группу среди устойчивых сочетаний языка Тульского региона составляют конструкции, имеющие обрядовое назначение. У этих единиц особая непрямая номинация, поскольку она носит отпечаток конкретных ритуальных действий и далеко не всегда является метафорической. В семантике обрядовых устойчивых сочетаний часто работают метонимии, функциональные переносы и ассоциативные связи. Значительная часть обрядовых устойчивых словосочетаний является мотивированной только в сценарии определенного ритуального действия и объяснима исключительно его внутренней композицией, распределением ролей участников, функциональным назначением и т.д. Это обуславливает значительную региональную специфичность обрядовых устойчивых сочетаний.

Количественно доминирующая часть тульских обрядовых устойчивых сочетаний слов относится к свадебному сценарию, но встречаются и сочетания календарных, сельскохозяйственных и оберегающих ритуалов. Например:

БА'БИЙ ЗУБ. Обряд. Ржаной пирог, подаваемый как последнее блюдо во время торжественного обеда по случаю крестин ребенка. Богор.

БРАТЬ НО'РМУ. Обряд. Символический выкуп невесты; получение семьей жениха даров от семьи невесты. Одоев.

КРЕСТИТЬ КУКУ'ШКУ. Обряд. Ритуальные действия в процессе празднования Троицы, во время которых слушали кукушку, предсказывающую длину жизни, угощали друг друга сладостями, заламывали березу, играли в подвижные игры. Бел.

ОКЛИКА'ТЬ ЗВЁЗДЫ. Обряд. Ритуальные языческие действия зимнего цикла, направленные на улучшение приплода овец. Бел.

СБРЫ'ЗНУТЬ С УГОЛЬКА'. Обряд. Специальный обряд на воде, связанный с излечением ребенка от испуга. Одоев.

Промысловые устойчивые сочетания слов

В каждом российском регионе исторически традиционно главную роль выполняют те или иные виды сельскохозяйственного, кустарного или промышленного производства. Их доминирование и взаимодействие различно в регионах России. Кроме того, в регионах могут быть представлены и уникальные виды промыслов.

Тульский край стал родиной не только особенного пряничного, оружейного, самоварного, гармонного производства, но и белевского кружевоплетения, создания глиняной филимоновской игрушки, выпекания крапивенских пирогов с растительной начинкой и т.д. Многие из оригинальных или своеобразно воспринимаемых на общероссийском аналоговом фоне промыслов, а также их технологических элементов представлены в устойчивых языковых формулах. Например:

АГРАМА'НТИК ГЛАЗА'МИ. Промысл. В кружевоплетении – узор, употреблявшийся для отделки края кружева. Представлял собою ажурную форму, выплетался согласно ширине двумя-четырьмя парами коклюшек. Бел.

ДОМ НА СТУ'ЛЬЯХ. Промысл. В плотницком деле дом, который строился не на целом фундаменте, а на колодах, которые устанавливались под четыре угла постройки. Одоев.

КОЛОТИ'ТЬ ЗО'ЛУ. Промысл. Отбеливать холсты. Арсен.

ЛИ'ЧНЫЙ НАПИ'ЛЬНИК. Промысл. Мелкий напильник, употребляемый для особенно тщательной обработки изделий. Щёк.

Отдельные проблемы фразеографического представления материала

Варьирование устойчивых сочетаний составляет проблемную зону в современной лингвистической науке в первую очередь с точки зрения

классификационных типов. Вполне очевидно, что формально варьирование может быть только трех разновидностей: усечение элемента, добавление элемента или его мена (включая мену в синтаксической фразеосхеме). Семантически варьирование предполагает изменение либо семного состава, либо коннотации, либо прагматического статуса устойчивой единицы. Но соотношение формального и семантического планов варьирования создает большое количество разноплановых групп, которые трудно сводимы в единую систему. Именно поэтому современные фразеология и паремиология только намечают подступы к описанию и классификации фразеологического варьирования во всем объеме.

Диалектная фразеографическая практика также нацелена на учет варьирования, поскольку оно является для отдельных устойчивых единиц основой их включения или невключения в региональные своды дифференциального характера. При подготовке «Словаря тульских говоров» предложен подход, считающий любой диалектный фразеовариант самостоятельным региональным устойчивым сочетанием слов. Проблема решалась следующим образом: как региональные фразеологические единицы подаются все виды формальных изменений общеязыковых устойчивых сочетаний слов, а также приобретение формально неоригинальной единицей иного значения в сравнении с общеузуальной. Вопросы коннотации и прагматики, а также квалификации разных типов фразеологической синонимии при составлении тульского фразеографического свода пока не учитываются (ввиду того, что это не отражается в определенной для настоящего времени схеме словарной статьи).

Следовательно, в словарь образца 2023 г. входят, например, такие единицы, представляющие собой варианты общероссийских:

ГДЕ МАКА'Р ТЕЛЯ'Т НЕ ПАС. Очень далеко. Новом.

ДУХ ВОН И ЛА'ТКИ КВЕ'РХУ. Ирон. О состоянии крайней усталости.

Волов.

ЗАВЕРНУ'ТЬСЯ КРУЖКО'М. Фольк. Лечь, подобрав под себя конечности. Одоев.

НЕ РОДИ'Т СВИНЬЯ' БОБРА', А ВСЁ ТАКО'ТО ЖЕ ПАРШИ'-ВОГО ПОРОСЁНКА. Пословица о схожести детей с их родителями. Лен.

В свод тульской региональной фразеологии включены также единицы, построенные по распространенным в языке фразеосхемам, но имеющие при этом и оригинальное лексическое наполнение, и оригинальные

нальную семантику. Подобные устойчивые сочетания слов, несмотря на структурное однообразие, составляют показательную черту диалектной речи. Например, единицы языковой фразеосхемы *ни X ни Y*:

НИ КЫ'ТИ НИ МЫ'ТИ. Об отсутствии необходимых вещей. Обозначение бедного, нищенского состояния. Одоев.

НИ ЛА'СКИ НИ ТА'СКИ. Равнодушно, без проявления чувств. Кир.

НИ ПИСЬМА' НИ ДУШИ'. Об отсутствии вестей, какой-либо информации о ком-либо и т.д. Дуб.

НИ УКРА'СТЬ НИ ПОКАРАУ'ЛИТЬ. О бесполезном, никчемном человеке. Одоев., Сувор.

Заключение

Устойчивые сочетания слов в тульских говорах наглядно демонстрируют их референциальную устремленность к важнейшим составляющим человеческого быта, хозяйства и культуры; через них можно выявить и оценить исконные национальные приоритеты всего русского народа, органической частью которого являются конкретные диалектоносители. В устойчивых сочетаниях «оживают», т.е. вербализуются посредством языкового творчества простых людей, главные феномены языкового сознания: ценности, мифологемы, символы, концепты, архетипы и др. Таким образом, системное фразеографическое описание – своего рода линейное моделирование исторически сложившегося внутреннего мира человека, жившего и живущего в тульском крае. Актуальные коннотации, накладывающиеся на семантику диалектных фразеологических единиц, которые продолжают активно использоваться на своих исконных территориях, «являются когнитивно релевантными современному сознанию», а их основная семантика, с одной стороны, мотивируемая «конкретной ситуацией (жизненной или логической)», с другой стороны, «является способом семиотизации значимого содержания культуры» всей нации [15. С. 67].

Тульский фразеографический свод позволяет сделать определенные выводы о количественном составе различных фразеогрупп, отражающие характер образного мышления носителей говора. Среди единиц структурного уровня «словосочетания» около 40% составляют идиомы, свидетельствующие о предпочтении диалектоносителями яркой непрямой номинации реалий; среди фольклорных (предложенческих и микротекстовых) единиц количественно заметно выделяются пословицы и прибаутки (30 и 25% соответственно), причем по-

следние составляют наиболее оригинальную коммуникативную черту тульских говоров. В функциональном плане среди тульских фразеогрупп преобладают обрядовые единицы (40%), что отражает устойчивость в народном сознании веками складывавшихся религиозных этнических установок, и промысловые устойчивые сочетания (36%), показывающие ремесленную, а не крестьянскую социальную специфику тульского края, а также многообразие мастеровой слободской территориальной дифференциации крупных сел и районных центров региона.

Список источников

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Русская диалектная фразеография: дифференциальные и полные словари. СПб.–Greifswald : Universität Greifswald, 2019. 310 с.
2. *Словарь русских народных говоров* (СРНГ). Л. ; СПб. : Наука, 1965–2023. Вып. 1–52.
3. *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* / под ред. А.И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1983. 232 с.
4. *Прокошева К.Н.* Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь : Изд-во ПГПУ, 2002. 434 с.
5. *Кобелева И.А.* Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2004. 312 с.
6. *Словарь псковских пословиц и поговорок* / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001. 175 с.
7. *Большой словарь русских пословиц* / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. М. : ОЛМА Медиа групп, 2010. 1024 с.
8. *Большой словарь русских поговорок* / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. М. : ОЛМА Медиа групп, 2013. 783 с.
9. *Романов Д.А., Красовская Н.А.* Материалы к словарю тульских говоров (по итогам диалектологических экспедиций). Тула : Тульский полиграфист, 2008. 380 с.
10. *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. М. : Цитадель, 1997.
11. *Орлова О.С.* Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и англоязычной культурах: принцип непрямой номинации : когнитивно-культурологическое исследование. М. : Ленанд, 2022. 240 с.
12. *Огольцева Е.В.* Как камень – как каменный (об одном проявлении синонимии устойчивых сравнений) // *Язык. Человек. Речь* : сб. науч. тр. Ин-та языкознания РАН. М. : Канцлер, 2022. С. 213–224.
13. *Большой академический словарь русского языка* (БАС). М. ; СПб. : Наука, 2004–2022. Т. 1–27.
14. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д : Изд-во Рост.-на-Дону пединститута, 1964. 315 с.

15. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. М. : Ленанд, 2019. 400 с.

16. Романов Д.А. Прибаутка как явление русской народной речи (в добавление к теориям паремий и клише) // Русский язык в школе. 2018. № 2. С. 52–57.

References

1. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2019) *Russkaya dialektnaya frazeografiya: differentsial'nye i polnye slovari* [Russian dialect phraseography: differential and complete dictionaries]. St. Petersburg; Greifswald: Universität Greifswald.

2. Filin, F.P. et al. (1965–2023) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vols 1–52. Leningrad; St. Petersburg; Nauka.

3. Fedorov, A.I. (ed.) (1983) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri* [Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk: Nauka.

4. Prokosheva, K.N. (2002) *Frazeologicheskii slovar' permskikh govorov* [Phraseological dictionary of Perm dialects]. Perm: Perm State Pedagogical University.

5. Kobeleva, I.A. (2004) *Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Respubliki Komi* [Phraseological dictionary of Russian dialects of the Komi Republic]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.

6. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2001) *Slovar' pskovskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Pskov proverbs and sayings]. St. Petersburg: Norint.

7. Mokienko, V.M., Nikitina, T.G. & Nikolaeva, E.K. (2010) *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Large dictionary of Russian proverbs]. Moscow: OLMA Media group.

8. Mokienko, V.M. & Nikitina, T.G. (2013) *Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok* [Large dictionary of Russian sayings]. Moscow: OLMA Media group.

9. Romanov, D.A. & Krasovskaya, N.A. (2008) *Materialy k slovaryu tul'skikh govorov (po itogam dialektologicheskikh ekspeditsiy)* [Materials for the dictionary of Tula dialects (based on the results of dialectological expeditions)]. Tula: Tul'skiy poligrafist.

10. Fedorov, A.I. (1997) *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka: v 2 t.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: in 2 volumes]. Moscow: Tsitadel'.

11. Orlova, O.S. (2022) *Evmfizmy i zagadki o rozhdenii i smerti v russkoy i angloyazychnoy kul'turakh: printsip nepryamoy nominatsii: kognitivno-kul'turologicheskoe issledovanie* [Euphemisms and riddles about birth and death in Russian and English-language cultures: the principle of indirect nomination: a cognitive-cultural study]. Moscow: Lenand.

12. Ogol'tseva, E.V. (2022) *Kak kamen' – kak kamennyy (ob odnom proyavlenii sinonimii ustoychivyykh sravneniy)* [Like a stone – like stone-made (about one manifestation of the synonymy of fixed similes)]. In: *Yazyk. Chelovek. Rech'* [Language. Human. Speech]. Moscow: Kantsler. pp. 213–224.

13. Gerd, A.S. (ed.) (2004–2022) *Bol'shoy akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. (BAS). Vols 1–27. Moscow; St. Petersburg: Nauka.

14. Arkhangel'skiy, V.L. (1964) *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Set phrases in modern Russian]. Rostov-on-Don: Rostov-on-Don Pedagogical Institute.

15. Kovshova, M.L. (2019) *Lingvokul'turologicheskiy analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok: Antroponimicheskiy kod kul'tury* [Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings: Anthroponymic code of culture]. Moscow: Lenand.

16. Romanov, D.A. (2018) *Pribautka kak yavlenie russkoy narodnoy rechi (v dobavlenie k teoriyam paremiy i klishe)* [Humorous saying as a phenomenon of Russian folk speech (in addition to the theories of proverbs and cliches)]. *Russkiy yazyk v shkole*. 2. pp. 52–57.

Сведения об авторе:

Романов Дмитрий Анатольевич – д-р филол. наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). E-mail: kafrus@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitry A. Romanov, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Tula, Russian Federation). E-mail: kafrus@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2023;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 22.11.2023.*

*The article was submitted 14.06.2023;
approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 22.11.2023.*